

А. ПАЛЧЕНКО

K84
П17

ПРИНЦИП ПОРТОСА
или последний свидетель

К84 537511 - Ред. Ф.
П 17
Папченко, Александр Ивано-
вич
Принцип Портоса, или По-
следний свидетель
1997

70.00

537511

ГБУК СО "СОБДИМ"
Редкий фонд

За авторское
участие в литературно-
исследовательском проекте
"Мисс Тюрингем"

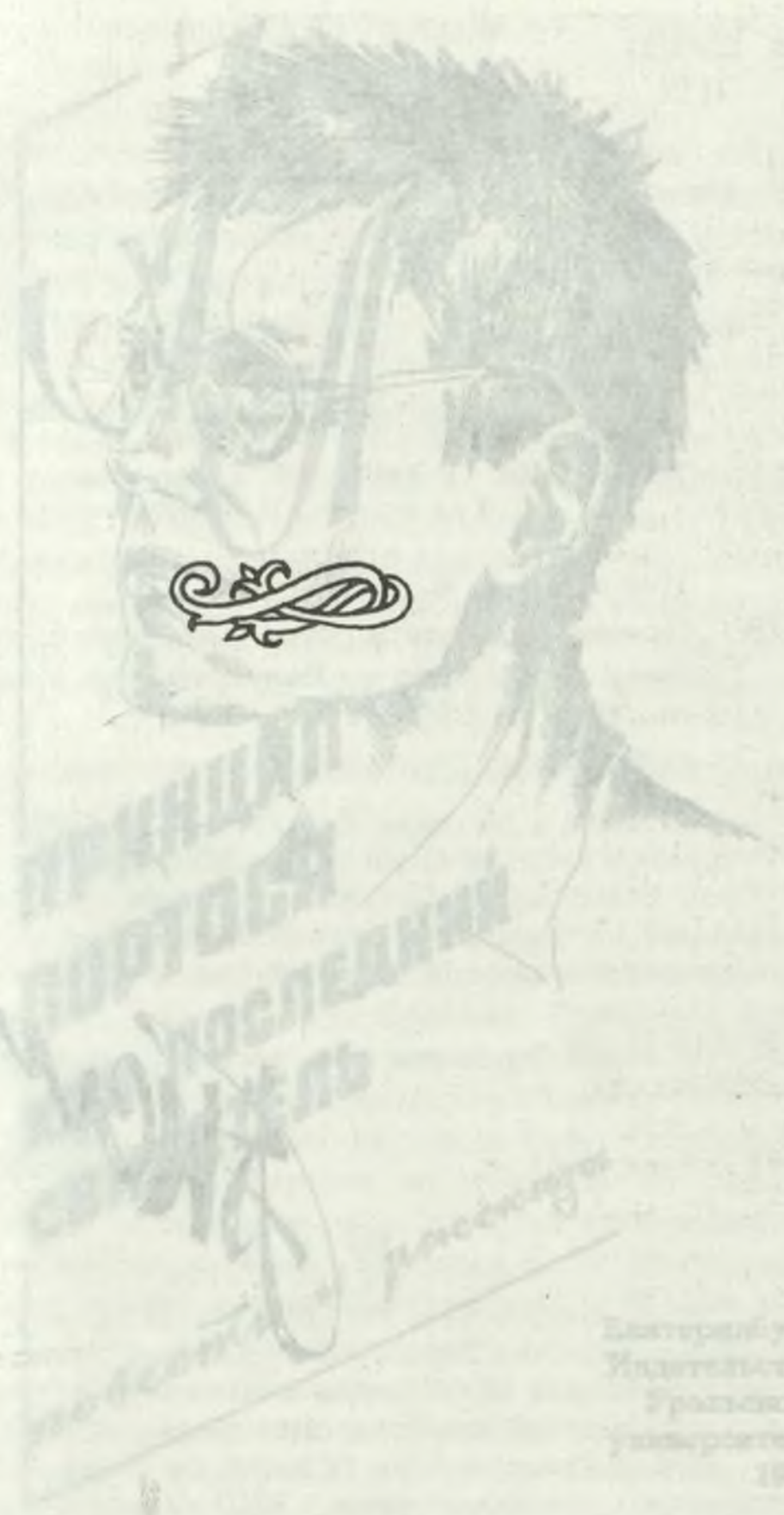
20 мая 1998г

Людмила
Зеленая

1998

37

K84
П17

Балтвилбург
Издательство
Бразильского
университета
1997

Система обучения
для детей и подростков
в Балтвилбурге

Shen

K84
П17

Александр
Шапченко

537511

**ПРИНЦИП
ПОРТОСА
ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ
СВИДЕТЕЛЬ**

новости и рассказы

Екатеринбург
Издательство
Уральского
университета
1997

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

ББК Ш83(2)
П179

Автор выражает искреннюю благодарность
губернатору Свердловской области
Эдуарду Эргартовичу Росселю
за личное содействие изданию этой книги

Редакторы	В. И. Первухина Н. В. Чапаева
Технический редактор	Т. С. Сергеева
Художник	Н. А. Журавлева

Папченко А. И.

П179 Принцип Портоса, или Последний свидетель:
Повести и рассказы. — Екатеринбург: Изд-во Урал.
ун-та, 1997. — 456 с.

ISBN 5-7525-0481-3

Повести и рассказы Александра Папченко будут интересны ребятам среднего школьного возраста. Ведь герои рассказанных автором забавных и грустных историй — ровесники этих ребят, их современники — люди находчивые и неунывающие.

П 4803010201 - 03 Заказное
182(02) - 97

ББК Ш83(2)

ISBN 5-7525-0481-3

© А. И. Папченко, 1997

ИБ 891

ЛР № 0257 от 22.11.96

Подписано в печать 20.01.97. Формат 84×108 1/32.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура журнальная. Усл.-печ. л. 24,00.

Уч.-изд. л. 26,00. Тираж 5000 экз. Заказ 742.

Издательство Уральского университета.

620219, Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Отпечатано с оригинала-макета в ИПИ «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, Тургенева, 13.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Предисловие к рассказам и повестям Александра Папченко я начинаю с мыслью: как будет хорошо, если эта книга сквозь все современные трудности и экономические рогатки все же пробьется к своим читателям. Особенно к тем, кто в силу своего возраста осваивает пока лишь первую половину школьной жизни. Я имею в виду именно читателей. Несмотря на все разговоры о падении интереса к книгам, о дурном влиянии телевизора и снижении интеллектуального уровня в ребячьей среде (во многом, возможно, справедливые), осталось все-таки немало мальчишек и девчонок, которые любят ходить в библиотеки и которых за уши не оттащишь от интересной книжки.

И вот это читательское поколение оказалось обойденным.

На первый взгляд жаловаться не стоит: выходит немало прекрасных книг. Просто обвал какой-то карлсонов, чипполин, буратин, незнаек, питеров пэнов, волшебников Изумрудного города и страны Оз, персонажей братьев Гримм и прочих, и прочих. И грех роптать — книги великолепные. Но какими редкими, робкими, словно отодвинутыми в угол на шумном балу, выглядят несказочные литературные персонажи — ровесники нынешних школьников, да и то это большей частью известные еще бабушкам и дедушкам теперешних ребят герои Ю. Сотника и Н. Носова, милый Дениска В. Драгунского да друг старика Хоттабыча Волька Костыльков. А мальчишкам и девчонкам так хочется встретить на книжных страницах новых друзей — таких же, как они сами!

Книга Александра Папченко дает такую возможность. Большая компания вполне современных и очень симпатичных ребят ждет в этой книге своих читателей. Ребят настоящих, живых, изобретательных, неунывающих... Впрочем, иногда и унывающих — такова наша жизнь. Всякому, кто хоть как-то связан с детьми, известно, что у младших школьников она ничуть не легче, чем у взрослых.

Вот про эту жизнь и рассказывает автор своим читателям. Причем рассказывает по-своему, с одному ему присущей интонацией веселого и одновременно грустного человека.

Несколько слов об этой интонации и о взгляде автора книжки на детскую и на взрослую жизнь.

Александр Папченко — сложившийся писатель. Он пишет для ребят давно. И не вина автора, что читатели могли только изредка знакомиться с его героями на страницах периодических изданий. В его повестях и рассказах — свой, «папченковский» мир, «папченковская» тональность. Свои, узнаваемые сразу ребята — с незабываемыми характерами, со смесью наивности и мудрости, с иногда дурашливым и в то же время философским отношением к действительности. С очень естественной добротой, которой так недостает в нашей жизни.

Есть немало детских писателей (причем очень хороших), которые в своих книгах остаются все-таки взрослыми людьми. А есть и такие, которые как бы превращаются в сверстников своих героев. Александр Папченко относится, на мой взгляд, ко второй категории. С полной естественностью «влезает» он в мятые джинсы, выгоревшую футболку и пыльные кроссовки своих 9-12-летних героев. Он прекрасно знает и чувствует их невзгоды и радости, их язык и привычки. Он зорко

видит мир с полутораметрового роста ученика пятого класса.

Но... Да, есть «но». Оставаясь мальчишкой, автор в то же время помнит, что ему и его книжным друзьям предстоит в конце концов вырасти. И что сам он однажды был уже взрослым. И этим накопленным опытом он, как бы старается поделиться с девчонками и мальчишками — действующими лицами его историй. Может быть, поэтому иногда прорываются у маленьких героев недетские интонации. Эдакий невеселый вздох — предчувствие будущих нелегких лет. А разве на самом деле так не бывает? Разве не вздыхают порой дети, словно в них проснулась память о каком-то прежнем, долгом и трудном бытии?

Но, становясь взрослым, А. Папченко ничуть не возвышается над своими героями, не делается наставником. Он как бы заставляет их вырасти вместе с ним и остается собеседником на равных...

И вот еще что надо сказать: писатель очень доверяет своим читателям. Он знает: они-то его поймут. Поэтому он вовсе не стремится к скрупулезной правдоподобности сюжетов. Иногда сюжеты эти напоминают залихватские тюзовские спектакли или отдают буффонадой. Например, уморительная история с террористом, которого поймали Колька Сырцов и Ксения Пишустина, по прозвищу Кэт. Или дерзкое использование «том-сойеровской» фабулы в «Принципе Портоса». А. Папченко словно говорит собравшимся в доверительный кружок ребятам: «Ну мы-то с вами понимаем, что кое в чем это веселый треп, наша с вами безудержная фантазия. Однако немало здесь и правды...»

Наверно, поэтому часто в фантастические (почти как у Даниила Хармса) события вдруг

проникает нешуточная грусть, щемящая лирика или мысли о непрочности человеческих радостей. Как, скажем, описание июльского вечера и размышления о быстротечности лета в «Принципе Портоса»... Иногда это действует как грустное послесловие к искрометной «Сорочинской ярмарке»...

А порой грусть становится главным настроением рассказа. Грусть самой первой любви, грусть неизбежного расставания. Прочитайте «Кузнечика», и вам станет ясно, о чем речь...

И после этого уже не кажутся странными и чужими в такой книжке горькие (хотя и тоже не без юмора) рассказы об интернатских ребятах — цикл «Мы — инкубаторские». Эти два слова четко и глубоко раскрывают грустную тему. Тему, от которой не уйти, если касаться нынешнего российского детства...

Здесь я, как автор предисловия, оказываюсь перед соблазном начать пересказывать содержание понравившейся книжки. А делать это бессмысленно: книжку надо читать без предварительных кратких изложений.

Для начала обратите внимание на несколько названий: «Зачем приходил Зигзаг?», «Невероятный Колька и великолепная Кэт в своих лучших приключениях», «Давно не пахло земляникой». Неплохо, верно? И то, что там, за названиями, — не менее интересно. Прочитайте — не пожалеете. И ребята, и те, кто были ребятами в давние годы, но не совсем забыли это непростое время.

Владислав Крапивин

Принцип Портоса, или Последний свидетель

Повесть

— Так для чего же тебе понадобилось его освобождать, если он уже свободный?

— Только женщина может задать такой вопрос! А как же приключения-то?

М.Твен. Приключения
Гекльберри Финна

Когда я дал прочитать то, что здесь написано, одной образованной девушке, Переваловой, она нашла много недостатков. И что это за папа такой, который едва не пристрелил родных детей? И что это за неправдоподобное повествование? И нетипично ей, и непедагогично... Поэтому я переписал все заново, но теперь уж истинная правда восторжествовала и пусть никто не обижается... Мы, писатели, тоже люди, и нечего тут перед нашим носом выпендриваться. Ну, а кому лень читать — пусть

смотрит телек. Там как раз опять кого-то больно бьют... Всё.

С приветом Макс!

Я это пишу для того, чтоб люди знали, где лежат деньги. А то, если нас пристрелят, или покалечат, или мы станем заиками от перепуга, никто не узнает. Ну, а если по порядку, то меня зовут Максим. У меня есть брат Витька. Он старше меня на год, а начитанней — на сто. Мама наша на курорте, в Кисловодске. Ей повезло. У нас еще есть дом. Он наполовину двухэтажный. Там, где второго этажа нет, там у нас терраса.

Мы с Витькой спим как раз на втором этаже. Под окном у нас растет яблоня, которую мы в срочных случаях используем вместо лифта. А наш папа, Павел Семенович, хоть и член общества охотников и рыболовов, стрелять все равно не умеет. Надо же! Не попал в меня из ружья с десяти шагов. И в Витьку тоже не попал и, быть может, зря... Я не кровожадный, я просто Витьку лучше знаю.

О соседях... С одной стороны живет боцман торгового флота дядя Витя. Он разговаривает с украинским акцентом, любит пиво, любит копать-ся на своем огороде, и еще он очень толстый. С другой стороны живет Мария Перевалова, хрупкая студентка филологического факультета, в очках и с тонким голосом. Иногда по вечерам она читает свои стихи. Такие, например:

Следы бредущей куропатки
Скрывает призрачный рассвет.
Ах! Эти желтенькие лапки...
Скользнула тень — и птахи нет.
Слеза метнулась к подбородку,
И счастье прыгнуло в лицо —
Ты обронила мне в ладони

Свое куриное яйцо...
О куропатка, дочь полей!
За что ты мучаешь людей?!
Или в твоей пташиной доле...*

Ну, и так далее. Это Перевалова женихов заманивает в свои сети таким интересным способом. Замуж ей очень хочется. Недавно вот Петьку Самсонова заманила, студента радиотехнического техникума. Теперь они вместе бормочут, как две куропатки. В перерывах целуются около нашего забора и думают, что их никто не видит.

А вчера у папы разболелись зубы. Это у него из-за нервов. Ведь он переживает, как там мама на курорте в Кисловодске. Он всю ночь терпел, а утром меня разбудил, и мы поехали в город зуб рвать. А потом мы с замороженной челюстью и без зуба возвращались обратно. Мы ехали по центральной улице. Солнце уже встало. А люди еще спят. Даже машин нет. Пусто. Тихо. Светло. Чисто. И очень непривычно. Перед нами поливалки проехали. Папа машину разогнал и мотор выключил. Шины по мокрому асфальту звенят. Птицы громко разговаривают — эхо прыгает между балконами многоэтажек. Липа цветет. И запах у нее плотный, словно вода. И мне захотелось свернуть такой умытый город в трубочку, как газету, засунуть в карман и увезти с собой, чтоб гулять по нему, когда захочется. А потом дорога повернула на мост. Внизу текла наша широкая река Самарка, одинакового с небом цвета. Папа включил мотор, разогнал машину и опять выключил. И окна пооткрывал. Теперь пахучий воздух пролетал сквозь нас... И было так здорово на душе и легко! И уж точно казалось, что самое счастливое и прекрасное в жизни впереди.

* Стихи М. Переваловой пишу, как помню (Макс).

Ну, а когда мы приехали, папа поставил машину в гараж и говорит:

— Ну что, Максим, пошли спать до очередного зуба? — И мы пошли.

А потом проснулся мой брат Витька и предложил нас ограбить. Представляете? Это он вчера такую игру новую придумал — приключение своими руками. Наподобие самоучителя по английскому языку или журнала «Сделай сам». Я срочно выдвинул свой план ограбления, удобный и простой в обращении. И действительно, почему бы нам нас не ограбить, если скучно без приключений и папа в сберкассы не верит и держит материальные накопления на новую мебель в пузатой сахарнице на кухне?

По моему плану нужно было незаметно вытащить из сахарницы деньги, подержать их в руках и быстро, пока папа ничего не заподозрил, вернуть их на место. Вернуть и удрать подальше.

Выслушав мое предложение, Витька поглядел на меня как на последнего идиота и коротко и энергично объяснил, как он не любит дилетантов и как ценит и уважает профессионалов.

— На профи держится мир! — заявил Витька и объяснил мне, как ему, Витьке, противно, когда кто-нибудь из него, Витьки, пробует делать дурака. И что он этого не позволит даже родному брату. Он мне дал понять, что мой план ограбления детсадовский. И что именно он, Витька, знает, как правильно грабить, потому что он прочитал Агату Кристи, Сименона, два рассказа Чехова, три повести Хмелевской, один роман Стругацких, одну длинную романтическую сказку Крапивина, несколько вещей Чейза, инструкции ИНТЕРПОЛа в газете «Совершенно секретно», которые его потрясли, и еще что-то, название чего он забыл, но содержание — никогда!

Вот. И рассказал мне свой очень правильный план ограбления. Я сразу понял, какой у меня умный брат. Черт бы его побрал! По его плану мы, конечно, всех ограбим, но где-то в середине приключения нас должны были раза три застрелить. Я не подал вида, что испугался, не выразил критического отношения к отдельным моментам и деталям — я согласился. Поскольку я не хотел, чтоб Витька думал, будто я трус или что-то в этом роде... Ему ведь фиг докажешь, что могут быть убеждения, которые не позволяют самому себе себя же грабить. Короче, мы начали действовать.

Во-первых, чтобы всех предупредить, что готовится ограбление, Витька написал небольшое доходчивое письмо. Буквы вырезал из газет и наклеил на листок бумаги: «Вас хотят ограбить. Ваш Друг».

— Это чтобы нас по почерку не установили, — объяснил мне Витька. — И еще для того, чтобы кто-нибудь, наконец, начал охранять материальные ценности в пузатой сахарнице. А то что это за приключение без охранника, которого не надо спаивать снотворным зельем или отключать от действительности путем ушиба тяжелым предметом по голове? И вообще, что это за приключение без паники и валерьянки? Без паники — это не ограбление, а издевательство, — объяснил мне Витька. — Это не ограбление, когда никто не бегаёт в полуодетом состоянии и с горящим взглядом. Какую книжку ни возьми, какое кино — всюду горящие взгляды, полуодетые люди и сплошная нервотрепка. И главное, все должно развиваться по правилам, а не как кому вздумается. Может, кто-нибудь с первой страницы знает, где деньги лежат, но вынужден страдать до последней... Его будут бить, будут пинать ногами и просто издеваться, в него будут стре-

лять и свои, и полицейские... И все потому, что так положено. А иначе этот тип тут же, в самом начале, схватил бы денежки! И зачем тогда весь длинный сюжет и полицейский комиссар с потухшим взглядом замороженной селедки? Или как там? С потухшим замороженным взглядом умной сардины — вот как! Нет, Макс, приключение — это свои правила. Вот возьми последнего свидетеля. Да ему по жизни положено умереть от шальной пули начинающего частного детектива, и все так думают. Ан нет! Всех! Всех перебьют, живые в ужасе разбегутся, а эта морда в самом конце книги, когда о ней уже все забыли, вдруг вылезет откуда-нибудь из Милана и все расскажет. Представляешь? Хорошо быть последним свидетелем. Его все ищут, а он лимонад пьет. А есть еще писатели, которые держат рядом с ценностями разных кусачих животных, Конан Дойля возьми... Хорошо бы еще пожар устроить...

— Только не пожар! — тут я возмутился. — Ты что? Пожар не надо! И папу жалко, да и где мы жить будем, если дом сгорит?

— Ну ладно, — неохотно согласился Витька, — пожара не будет, но змей будем искать. Капканы будем ставить. И вообще, все должно быть по правилам. А то я себя чувствую дураком каким-то. А теперь пошли за лестницей...

Я написал «пошли за лестницей»? В том-то и дело, что пока мы «шли за лестницей», Витька несколько дней запугивал папу. Как это он делал? Примитивно. Выберет подходящее время, когда у папы хорошее настроение, и ляпнет что-нибудь типа:

— Сейчас такое время... Вот вчера писали в газете, как один держал свои сбережения в хлебнице, а его взяли и обокрали.

Или:

— Вчера ночью какой-то странный шорох был, словно кто-то лез через забор...

Или:

— Неплохо бы нам поставить сигнализацию, а то оставляем дом под примитивным замком, того и гляди ограбят.

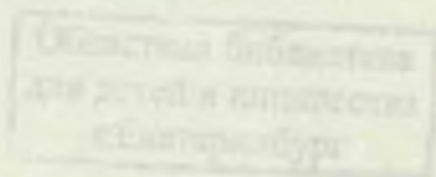
Или:

— Какие-то странные прохожие пошли. С какими-то физиономиями. Раньше такие не ходили. В черных очках, с татуировками... Через ворота во двор взгляды бросают. Может, им чего нужно? Может, им наши деньги покоя не дают?

И папа насторожился. Перестал хихикать над глупыми Витькиными предположениями. Стал дергаться от каждого шороха. И впервые с начала лета вчера перед сном проверил шпингалеты на окнах. И сам стал замечать странных прохожих и всякие шорохи по ночам. Теперь подойдешь к нему сзади что-нибудь спросить, а он вздрагивает, как покусанная пчелами лошадь. Вот как сказалоь на отце пошлое целенаправленное Витькино воздействие.

А потом мы с Витькой таскали лестницу... Конечно, чтоб подложить наше письмо нам же в почтовый ящик, можно было запросто спуститься ночью по яблоне, но Витька заартачился. Он сказал, что если по яблоне, то он будет чувствовать себя дураком, а если по лестнице, то не будет, так как почти во всех книгах применялись лестницы. И что пусть я ему, Витьке, еще спасибо скажу, что он выбрал книгу, где деревянная лестница фигурирует, а то нам пришлось бы рвать простыни, как Монте Кристо, и вязать веревочную лестницу. Представляете? Хотя это, кажется, был не Монте Кристо...

Тогда я сказал:

— Давай выйдем через дверь, а представим, что по лестнице.

— Я тебе не лунатик представлять, — вспылал Витька. — Понарошку приключения не делаются. Героев понарошку не бывает. Забудь свои детсадовские замашки! Лучше бери тетрадь и записывай! Привыкай к шкуре доктора Ватсона.

Так, по Витькиному приказу, я и стал писателем, ну и чтоб люди знали, где будут лежать деньги, если мы их все-таки украдем.

И мы пошли за лестницей. Мы ее, тяжелую, вытащили из сарая и прислонили прямо к нашему окну, чтоб ночью удобно было спускаться.

— Теперь ты видишь, как это принципиально — лестница?! — подпрыгивал от возбуждения Витька и радостно потирал руки. Но не успели мы отойти подальше, как появился папа. Он теперь был подозрительным, после Витькиной обработки.

— Откуда здесь лестница? — папа повел носом по сторонам. — Странно... Не место ей здесь. — И утащил лестницу в сарай.

— Тьфу! — разозлился Витька.

Дождавшись, когда папа перестанет подозрительно оглядываться и уйдет по своим делам, мы опять притащили лестницу под окно. Шесть раз таскали, довели папу до мании преследования, но он нас «перетаскал».

— Что будем делать? — спросил я, вытаскивая занозы из ладони.

— Пойдем через дверь, а представим, будто по лестнице, — согласился с моим старым предложением Витька. — Вот они, превратности грабителя, не знаешь, где повстречаешь...

Потом настала ночь. Мы с Витькой договорились, как будем действовать: он от двери обойдет дом справа, а я обойду слева. Пароль мы выбрали проще некуда: я — одно короткое кошачье мяу-

537511

канье и одно длинное, а Витька — наоборот. Правда, чушь? Вот и я вначале так думал, а оказалось, что значительно хуже.

Сначала по бетонной дорожке ползти было хорошо. Только локтям больно. Но потом дорожка закончилась, и, свернув за угол дома, я попал в малиновые заросли. Где-то в их глубине Петр-радиотехник шептал Марии о Фарадее: у них как раз свидание было. Но больше всего мне не нравилось то, что у нас на террасе папа и дядя Витя пили пиво и обсуждали всякие важности.

Желтый свет освещал верхушки малиновых кустов. Я полз, стараясь аккуратно протискиваться между колючих веток малины и ориентируюсь на голос Петра. Но голос вдруг исчез, я зашебурился и неожиданно наткнулся на спасительный штакетник. А наверху папа объяснял дяде Вите, какой странный шорох он вчера ночью слышал у себя под дверью и какие подозрительные прохожие стали ходить мимо дома в последнее время, того и гляди ограбят, обворуют... А дядя Витя, человек, не обремененный идиотскими Витькиными предрассудками, успокаивал папу, объясняя, что шорохи — от кошек, а прохожие всегда были такими. Короче, я перемещался вдоль штакетника, перебирая узкие доски. И знаете, каков закон подлости? С Ватсоном ни фига подобного не случилось... Чтобы вот так, перебирая доски забора, вдруг взять да и наткнуться на черенок лопаты в носке. Представляете? У меня прямо одно мозговое полушарие за другое зацепилось. И вдруг наверху ка-ак шваркнет, словно комара убили на лысине.

— Маша?! — слышу обиженный голос Петра. Я страшно удивился: причем тут Маша?! А наверху — бамсь! лясь! трах! И голос Переваловой:

— Мы еще не настолько знакомы, чтобы там прикасаться!

Областная библиотека
для детей и юношества
г. Екатеринбург

И опять — шварк! И тут меня осенило. Бывают же такие вспышки, рождающие озарение?! Получается, что Машка с Петром целовались. И Перевалова возьми да и поставь ногу на поперечину между досок для удобства. А я в темноте, как дурак, в конечность-то ее и вцепился! И теперь Машка думает, что это радиотехник впился в ее ногу, и шваркает его по растерянной физиономии.

— Негодяй! Бабник!

Я ногу отпустил и говорю:

— Извините! Я думал — лопата... — И быстро-быстро пополз прочь, только зашуршало вокруг. Думаю, еще поймают, по шее накостиляют. Не знаю, что подумала Машка, но только кричать перестала.

А тут еще папа и дядя Витя на шум к краю террасы подошли.

— Вот, — говорит папа, — слышал? Опять подозрительный шум.

— Який там шум? — ухмыляется дядя Витя. — Кошки!

И тут, совсем уж некстати, Витька у ворот пароль подает — мяукает, дурак. И главное, убедительно, словно мартовский Мурзик в отчаянии от неразделенной любви...

Ну, тут дядя Витя долго думать не стал. Поднял обломок кирпича да как швырнет в Витькину сторону. Грохот был страшный, словно от ворот доски поотлетали. Витька не домаяукал пароль — заткнулся.

Когда я приполз, перепуганный Витька сидел у самой дороги в пыли и за башку свою держался. Ну, я ему все объяснил. Витька дыханье перевел и говорит:

— Везет тебе, Макс! У тебя приключение, а мне чуть голову насквозь не пробили.

Положили мы письмо в почтовый ящик, вытащили из сарая лестницу и по ней вернулись домой. А потом Витька улику, то есть лестницу, решил убрать. По ней всякий мог бы понять, что мы ночью выходили из дома. Ну и убрал. Оттолкнул ногой, а та возьми да и брякнись посередине двора на банки для консервирования. Так загремело... Мы окно захлопнули — и по кроватям...

Слышим, во дворе папа на чем свет стоит ругается. Его понять можно — такой ущерб хозяйству.

— И как эта дрянь здесь оказалась, когда я ее, точно помню, в сарай убирал?! — кипятился папа. — Раз десять!

— Жалко банок. Останемся без варенья, — говорю я.

— Без ущерба — это не приключение, а цинизм, — шепчет Витька, но по его голосу чувствуется, что варенья ему тоже жалко.

А на следующий день я проснулся первым. Я всегда просыпаюсь раньше Витьки, так как я «жаворонок», а он — «сова». И хотя солнце недавно встало, вся трава и все крыши уже нагрелись, все дисциплинированные люди давным-давно работали, все длинные тени превратились в короткие, и лишь в самых укромных уголках блаженствовала живительная сырость и прохлада... Как мы ее будем проклинать осенью!

Я посмотрел в почтовый ящик — письма не было. Папа уже куда-то уехал на машине. А вдруг в милицию с нашим посланием? Одно только успокаивало — папа в милицию не верил. Как и в сберкасы. Он вообще у нас скептик.

— Эй, сосед! — позвал меня от забора дядя Витя. — Меня твой батя попросил побережь дом, пока он ружье регистрирует в милиции.

— Да?

Дело принимало скверный оборот, именно такой, о котором мечтал Витька. Поэтому я тут же его разбудил и обрадовал последними новостями.

— Это уже на что-то похоже, — процедил Витька, одеваясь. — Появляется огнестрельное оружие. А то я уже начинал чувствовать себя дураком.

Позавтракав, Витька схватил сачок, большой посылочный ящик и умчался. Вскоре приехал папа. И не один. У ворот рядом с выгруженными чемоданами стояла девчонка в бело-синем полосатом костюмчике.

— Максим, — торжественно произнес папа, доставая из машины ружье в чехле, — тут нам письмо пришло. Прочти. — И дает мне Витькино письмо.

Я прочитал и говорю:

— Шутка.

— Я тоже так думаю, но береженого Бог бережет. Кстати, едва не забыл, это Сашка, — кивнул папа в сторону ворот. — Утром телеграмму принесли. Наша дальняя родственница из Славутича. Встречать ездил. Если вы, мерзавцы, будете ее обижать, всех перестреляю. Я теперь нервный. Покажешь ей где и что, понял?

— Как не понять... — вздохнул я, а сам подумал: «Нам только еще девчонок не хватало в момент ограбления. Визжать было некому, так прислали».

Я показал Сашке ее кровать и перетащил чемоданы в дом. Потом вывел Сашку на крыльцо:

— Гуляй. А на папу не обращай внимания, он со вчерашнего дня нервный.

— Почему? — поинтересовалась Сашка.

— Грабят.

— А-а... — понимающе кивнула Сашка.

В этот момент из-за угла показался Витька с

перекошенной физиономией и посылочным ящиком, который он держал в вытянутых вперед руках так, словно ящик мог его запачкать или укусить. Заметив меня в обществе незнакомой девчонки, Витька круто повернулся и хотел удалиться.

— Не бойся, — остановил я его. — Это к нам родственницу прислали из Славутича. Будет у нас жить.

— Да? — Витька опять круто развернулся и, невежливо отодвинув всех с дороги, проскользнул в дом.

— Какой-то он неразговорчивый, — заметила Сашка.

— Он тоже нервный.

— Почему? — удивилась Сашка.

— Грабят...

— А ты? — спросила Сашка. — Нервный?

— Пошли лучше клубнику есть, — предложил я.

— Прямо с грядки?! — опешила Сашка. —

Немытую? Это же опасно!

— Как это? — удивился я.

— Ну, немытая же, грязная!

— А-а-а... У тебя хобби — гигиена...

Я сразу потерял интерес к занудливой девчонке и пошел смотреть, что там замышляет Витька. А Витька уже пел от радости. Впустив меня, он выглянул в коридор и, удостоверившись в отсутствии «хвоста», закрыл дверь на щеколду. И опять запел.

— Любит, любит Бармалей всяких маленьких детей, — пел Витька, доставая из посылочного ящика бельевыми щипцами, теми, которыми мама переворачивает кипящее белье, змею.

— Вот! — Витька прищемил испуганной рептилии утюгом хвост. — Может, мне тоже противно, — он прижал голову змеи толстым томом

Большой Советской Энциклопедии, — но только что это за ограбление без ядовитых тварей?

Затем Витька достал с полки банку с разбавленной желтой гуашью и кисточку:

— Ничего, поползают полосатыми — не убудет. Гуашь легко водой смывается. А то, какую книгу ни возьмешь, всюду, где большие деньги, появляются всякие змеи, крокодилы, пираньи... Противно! Но правила есть правила.

Тут мне стало не по себе. Даже еще хуже. Я просто прилип спиной к двери. А Витька заметил мое состояние и говорит:

— Да не бойся, это ужи. Придется нам их перекрашивать в африканских гадюк. Я про таких у Даррелла, кажется, читал. Про ядовитых, желто-полосатых.

— Знаешь... Я лучше на улицу. Ты лучше сам. — И я быстренько удрал. Вот такие дела.

За обедом ни папы, ни Витьки не было. Я ковырял вилкой вермишель по-флотски и брезгливо морщился: вермишель напоминала мне даррелловских змей. Зато Сашка проявила свои чистюльские наклонности в полном объеме. Руки она вымыла несколько раз с щеткой и удовольствием, как хирург. Редиску Сашка перемыла на два раза, хотя я мог поклясться, что та и до мытья блистала чистотой. Что и говорить, к концу обеда манерная девчонка ничего, кроме раздражения, у меня не вызывала.

— Тебя где учили так жить? — спросил я. — А если воды поблизости нет, а кушать очень хочется?

— Видишь ли, что нельзя помыть, то лучше не кушать.

— Да-а?! Подохнуть с голода в окружении немытых продуктов? — поразился я.

— Ну, вначале, наверно, лучше потерпеть... — предложила Сашка.

— А потом?

— Если все равно умирать, так можно, наверно, и съесть... Да? Тогда уж какая разница, от чего помирать? Да?

Я потрогал свой лоб — лоб был холодный. В таком случае это у родственницы что-то с головой. На что уж мама у меня чистюля, но и то не до такой изощренной степени. А Сашка стояла посередине кухни и грустно смотрела мне в глаза, словно хотела спросить: «Что тебя еще интересует? Я тебе объясню все. Бактерии на невымытых руках? Зараза? Тиф? Скарлатина? Я тебе объясню, в чем их вред». Но мне почему-то не хотелось, чтобы мне объясняли.

— А что еще нельзя? — раскачиваясь на стуле, ехидно спросил я. Но Сашка ехидства не заметила. Так бывает с простодушными людьми.

— Видишь ли... — подняв к потолку карие глаза и загибая последовательно пальцы, начала перечислять Сашка, — нельзя, конечно, лежать на голой земле, предварительно не подложив хотя бы целлофан. Нельзя много гулять по лесу и вообще под кронами деревьев, так как с них сыплется всякая хвоя и пыль. А если уж гулял, то после прогулки, будь любезен, прими душ. Ни в коем случае нельзя собирать грибы, так как они в большинстве своем опасные, нельзя...

— Всё! — треснул я ладонью по столу. — Жить-то можно?

— Можно... — неуверенно произнесла Сашка, — если осторожно.

Ну, тут я распсиховался. Вот, думаю, еще только музейного экспоната нам не хватало. Ошибка природы, умытая и занудливая. Хоть стреляйся!

И в этот момент на кухню заглянул папа.

— Ну что, подружились? — фальшиво-веселым голосом поинтересовался он.

— Очень, — буркнул я и поплелся на улицу.

А папа и говорит:

— Что, Александра, не принимают они тебя в свою компанию?

Эх, если бы тогда знать, что это за человек такой Сашка, разве бы я мысленно так ругался? А то иду и ругаюсь: «Вот таких девочек нужно на парашютах в тыл неприятелю забрасывать. Чтоб противник с ума сошел и стал из окопов выскакивать. Тут его, противника, бери тепленьким и веди картошку с полей убирать. Ну, или капусту».

А потом наступил вечер. Перекрашенные ужи лежали под моей кроватью в старом посылочном ящике и тоскливо чесались желтыми спинами о фанерные стенки. Я их, конечно, понимал — что за радость потерять свободу и попасть в руки к моему брату Витьке? Но от этого мне было не легче. А вдруг фанерная крышка сдвинется и ужи выберутся наружу? Поэтому приходилось все время нырять под кровать и проверять. Я просто не врубался, как сегодня буду спать. Хоть бери одеяло и укладывайся на улице под яблоней. Да, чуть не забыл... Днем мы расставляли мышеловки в таких местах, чтоб в них случайно никто не попал.

— И что это за капканы, если в них никто не попадет? — поддел я Витьку.

А он, знаете, что говорит?

— Это и не важно, попадет туда какой-нибудь остолоп или нет. Главное, чтоб капканы стояли. Тогда мы сможем себе сказать: все было сделано по правилам, как в настоящем ограблении. И нас совесть не будет глодать... обглад... нет... не будет мучить. Понятно?

Ну, думаю, уже проблемы с совестью. У меня раньше с этим все было нормально. Пусть она гложает... глодает, черт, жрет Витьку!

А к вечеру пришел дядя Витя, и они с папой стали отрывать половицу в прихожей. Долго мучились, пока дяде Вите не прищемили палец. Но оторвали-таки... Оторвать-то оторвали, но папе не понравилось место для тайника. Сахарница, видите ли, не пролазит в дырку, хоть ты тресни. Пришлось доску обратно приколачивать. А она же хорошая, может, даже дубовая, и, пока два раза папе по пальцам молотком не прилетело, не прибивалась.

Потом решили отрывать подоконник. С ним было проще. Вначале зачем-то сняли раму, потом нечаянно выдавили стекло из рамы, потом папа порезал палец и я бегал по всему дому, искал бинт. Нашел у соседки, Машки Переваловой. В конце концов затолкали мы несчастную сахарницу под подоконник. Раму уже не стали ставить на место, все равно стекла нет...

У Сашки от всех этих idiotских действий глаза на лоб вылезли — она раньше такого не видела, хотя, я думаю, просто притворялась... В таком вытаращенном виде Сашка идеально подходила на роль последнего свидетеля. Я поделился этой мыслью с Витькой, ему идея понравилась. Тем временем он второе письмо наклеил: «Все бесполезно. Мы знаем, что деньги в подоконнике. Ваш Друг». Ничего себе друг! Правда? От таких друзей нужно избавляться в раннем детстве.

Дождавшись, когда дядя Витя с папой разойдутся по домам и успокоятся, а папа осмотрит все шпингалеты, замки и запоры (интересно, какой в этом смысл, если в окне на первом этаже стекла нет?), Витька предложил нам переодеться в негров. Все дело в том, что в какой-то там idiotской книжке или в фильме очень хорошо всех грабил какой-то негр. Или мулат? Но это неважно... Что я написал? Мулат? В том-то и дело, что не мулат, а мулатка! Представляете?

Офонареть можно... А потом Витька за голову схватился и говорит:

— Хоть убей, не могу вспомнить, мулатка грабила всех или одна женщина по кличке Анжелика?

Ничего себе, думаю, разница. Тогда я говорю:

— Ты давай вспоминай быстрее, а то это большая разница: негр, мулатка или Анжелика.

А он:

— Ладно, не такая уж и большая... Пусть Анжелика будет мулаткой. Вот и все.

Короче, прокрались мы в мамину спальню...

— Ты все испортишь, — заявляет мне Витька и натягивает на себя мамино праздничное платье. — Ты будешь моим негром-слугой. Как будто я с фазенды вернулась. Ясно? А то для тебя роль Анжелики еще не по зубам.

Думаете, я огорчился? Я обрадовался. Натянул себе на голову женский капроновый чулок, проковырял там, где глаза, дырки — и готов перво-сортный негр. Слабонервный наткнется — облысеет. А Витька помучился! Думаете, легко мужчине невысокого роста в праздничном женском платье гулять? Это только в фильме «В джазе только девушки» легко. Да и то актеры спотыкались, сам видел. А потом Витька маминой коричневой помадой себе по щекам — раз! И еще!

— Ну как тебе? — спрашивает шепотом.

— Я не разбираюсь в индейцах, сбежавших с тропы войны. — Это я его подкалываю, а он не соображает и еще себе немножко по лбу помадой как мазнет! Теперь вообще стал страшный, как Баскервильское привидение.

Короче, кое-как выбрались мы из дома и поползли к воротам, чтоб письмо в почтовый ящик опустить. Анжелика за кусты цепляется и ругается, как... Нет, так мулатки не ругались! В

этом я уверен. Даже когда их притесняли бледнолицые.

А когда до ворот оставалось всего ничего, метров пять, не больше, Анжелика повернула ко мне свое красное от злости и удушья лицо и говорит:

— Чихать мне на маскарад! Я сейчас задохнусь, ползая. Встану — и плевать, что подумают окружающие.

— Сдурела? — возмутился я. — Нас же увидят! Ты же знаешь, как папа на каждый шорох бросается! На каждую тень! Терпи, мулатка.

А Витька как прошипит:

— Сам терпи, негр. А Анжелика не такая, чтоб терпеть, и, вообще, я что-то не помню, чтобы она на карачках ползала. Всё! Терпение лопнуло! Если хочешь знать, это перед ней маркизы ангелов и короли ползали, а она через них переступала.

— Кончай лекции! — взмолился я. — Мы тут лежим, как разноцветные придурки, а ты!

— Вот сейчас будет дружба народов, — прошептал Витька и нахально встал. Встал, переступил через меня и положил письмо в почтовый ящик.

И в этот момент раздался звон осыпающегося стекла, и нервный голос папы потребовал:

— Стоять! Не шевелиться! А то стрелять буду. Мы будем стрелять. Нас не один! Нас много!

Тут мы с Анжеликой, маркизой ангелов, испугались.

А папа:

— Я уже стреляю, — спокойным таким голосом, словно он внутренне смирился с тем, что раз бандиты не шевелятся, придется их продырявить, пока целиться удобно.

И как — бах!

Витька подпрыгнул на половину своего роста и, теряя туфли, бросился в кусты. Я за ним. Слава богу, папа у нас близорукий. А так лежать бы нам, неграм, на своей земле.

Мчимся мы по помидорам в сторону забора. Только Витька дрыгается, словно стреноженная лошадь. Ясное дело, платье ему мешает.

А дальше представьте себе такую картину. Дядя Витя, наш сосед, перед сном в сад вышел побаловаться сигареткой. Прислонился к штакетнику и размышляет о счастье и судьбе. И вдруг совершенно неожиданно раздается выстрел. А секундой позже, ломая сучья и ноги, из кустов вылетает желторожая Анжелика, а следом за ней перепуганный негр. Представляете?

— Здрасьте, — поперхнулась Анжелика от неожиданности. А дядя Витя сразу отключился и уже не здоровается, а только так многозначительно шепчет, словно секретом делится:

— Ты дывысь, яки нэгры-ы... — и потихоньку, цепляясь за забор, оседает на грядки. — Шоб я вмэр — нэгры...

Негры! Думать же надо! Откуда в Приреченске негры?! Разве мы в Африке? Но дядя Витя очухался быстрее, чем мы предполагали. А может, он и не падал на подкосившихся ногах, может, он сразу искал рогатину в траве? Ту самую, которой поддерживают прогибающиеся под тяжестью яблок ветки. Одним словом, он так врезал этой своей палкой по голове ничего не подозревающей Анжелике, что башка мулатки укатилась в траву.

До сих пор вечерами Анже... — тьфу! — Витька вспоминает о маминой шляпе с благодарностью. Она спасла ему жизнь. Шляпа и реакция. Увидев над своей головой палку, Анже... Витька

рухнул как подкошенный. Палка врезала по забору и переломилаась. Шляпа улетела в кусты.

— Ах вы ж, нэгры! — вскричал ошалевший дядя Витя и полез на штакетник. Но мы уже убегали. Витька выскользнул из маминого праздничного платья и на четвереньках с огромной скоростью, словно голодный таракан, бросился через двор. В этот момент под боцманом обломился хлипкий штакетник. Забор с треском лег на помидоры. На наши помидоры! И это послужило мне сигналом. Я вдруг совершенно отчетливо понял, что если мгновенно не испарюсь, то буду первым негром в нашем поселке, которому надерут уши за потоптанные помидоры. Дядя Витя не расист, наоборот, он всех пивом угощает, но если он меня догонит — выдерет без размышлений. Первым быть, конечно, приятно, но я уже убегал вслед за Витькой. И папа тоже не расист, но...

Бах! — раздался еще один выстрел. Это отец снова промахнулся. Бен Джонсон так не прыгал, как я запрыгнул за угол дома. Даже когда Бен прыгал с допингом!

За углом стоял Витька, в трусах и со страшной коричневой рожей, и трясся не то от холода, не то от страха.

Увидев меня, он попятился:

— Что это?! Кто? Ты?!

— Я тебя убью, — прошептал я брату. — С твоими книжками! Читатель фигов!

И в этот момент рядом раздалось:

В ночи блистала соловейка,
Сверкали очи у котов...
Я не развенчана! Развинчена...
На триста страстных голосов...

Только спустя некоторое время до меня дошло, что это Мария, студентка филологического

— Ах вы ж, нэгры! — вскричал ошалевший дядя Витя и полез на штакетник. Но мы уже убегали.

факультета, читает свои стихи. Ну, думаю, напугала. Сумела. Молодец! Сейчас ты у меня тоже вздрогнешь. И это не потому, что я какой-нибудь кровожадный, это оттого, что во дворе папа бежит с ружьем, того и гляди за угол заглянет. Так что терять мне было нечего, и я пошел. Прямо мимо забора, по освещенному неверным лунным светом пространству. Стихи прекратились... А сзади мне в спину Витька дышит и спотыкается. Из-за забора голосом Марии спрашивают:

— Господи... Это что?

А я тогда обнаглел, от холода или от страха, и нахально отвечаю:

— Аура... дяди Тома, — ну, так как я негр. И побрел дальше с трясущимся Витькой за спиной.

А там, за забором, уже громко икают. Только воды поблизости нет. За водой нужно в дом бежать. Так что обошлось без уточняющих вопросов.

Проскользнули мы в дом, я чулок быстро с головы содрал и сразу хотел дать Витьке в морду.

— Потом, — шепчет Витька. — Разберемся потом. Сам подумай, как это, когда все во дворе, а нас нет?! Заподозрят, вычислят, убьют. За одни только помидоры казнят...

В общем, Витька прав. Переоделись мы быстренько в свою одежду — и на улицу. Витька грим, конечно, с лица стер, так что не подкопаешься...

А во дворе трагедия! Дядя Витя слез со штакетника и никак не может объяснить, зачем он на него взгромоздился. Рубашка у дяди Вити на животе расстегнулась, волосы на голове приподнялись и вокруг лысины почетным караулом стоят, руки дрожат, но обломок палки не выпускают.

Папа, выставив ружье, как в плохих детективах, нервно кидается на каждый шорох, того и

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям

5

Принцип Портоса, или Последний свидетель

9

Невероятный Колька и великолепная Кэт в своих лучших приключениях

62

Давно не пахло земляничкой

150

Мы — инкубаторские

197

Под босыми пятками Бога

240

Веселые каникулы

306

•

Зачем приходил Зигзаг?

390

•

Кузнечик

413

•